

18+

КОНСТАНТИН РЕННЕР

Симочка

И ДРУГИЕ РАССКАЗЫ

Константин Реннер

Симочка. И другие рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42832532

ISBN 9785449698469

Аннотация

«До своего тела Серафима Аркадьевна мужа допускала редко. Можно сказать, крайне редко. До свадьбы – молодыми – гуляли только под ручку, обнять себя за талию при людях Серафима Аркадьевнана разрешала. Иногда, правда, Юрий – а тогда просто Юрка – срывал в темноте подъезда робкий поцелуй с губ Симочки, а больше – ни-ни... Как родился Сережка – загадка». Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Симочка	5
Помдеж Меркурий	15
Дунька	15
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Симочка И другие рассказы

Константин Реннер

© Константин Реннер, 2020

ISBN 978-5-4496-9846-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Симочка

До своего тела Серафима Аркадьевна мужа допускала редко. Можно сказать, крайне редко. До свадьбы – молодыми – гуляли только под ручку, обнять себя за талию при людях Серафима Аркадьевна не разрешала. Иногда, правда, Юрий Семёнович – а тогда просто Юрка – срывал в темноте подъезда робкий поцелуй с губ Симочки, а больше – ни-ни. Сразу же после бракосочетания молодые уехали поездом на юг, но в первый же день по приезду у Симочки случились внепланово женские дни, а потом и вовсе позвонила мама – папе стало плохо, ночью вызывали скорую. Пришлось возвращаться.

Жили с родителями в «двушке». Было тесно. Ночами за стеной стонал Аркадий Львович, бегала на кухню за водой Зинаида Марковна. Тут уж не до любовных утех. Как родился Сережка – загадка.

Но Сережка родился, как и положено, ровно через девять месяцев после свадьбы. Роды у Симочки проходили тяжело, с осложнениями по женской части. Домой она с сыном вернулась только через месяц, сильно похудевшая, бледная, как скатерть.

И началась совсем не такая жизнь, о которой мечтали до свадьбы Симочка с Юрой. Аркадий Львович не ходил совсем, Симочка передвигалась с трудом, маленький Сережа

часто болел. Чтобы ухаживать за семьей, Зинаида Марковна ушла с работы. Из работающих остался один Юрка. И он работал за троих: утром чистил соседний двор, потом бежал на завод в секретное КБ, а по ночам для студентов-заочников готовил дипломы. Как прошли пять лет до кончины Аркадия Львовича – Юрка помнил смутно, были они, словно в тумане. Очнулся он только на кладбище под моросящим дождем, когда в неглубокую могилу полетели потяжелевшие от влаги комья земли и с глухим стуком ударились о крышку гроба...

Вернувшись в тот день с кладбища, Юрка удивился тишине в квартире. Никто не стонал, не плакал. У Симочки и Зинаиды Марковны слёзы давно закончились, а повзрослевший Сережка молча рисовал падающий с неба самолёт. В ту ночь Юрка впервые за долгие годы не мог уснуть. Близость жены возбуждала, и он нашёл под одеялом мягкую грудь Симочки... Но жена резко откинула его руку: совсем сдурел, что ли? На интимную жизнь был наложен траур.

На следующее утро Юрка не пошёл убирать двор, вместо этого поспал на час дольше обычного, отвёл Серёжку в садик, а по дороге на работу забежал в ЖЭУ – написать заявление об уходе.

После смерти мужа Зинаида Марковна сильно изменилась, постарела. По воскресеньям, едва в квартире начина-

ло сереть от утреннего солнца, она поднималась и ехала через весь город в церковь. На её столике возле кровати теперь вместо газет лежала Библия. Зинаида Марковна не пропускала ни одной службы, собирала пожертвования на строительство нового храма, а через год неожиданно заявила, что жить она впредь собирается при монастыре, батюшке срочно нужны деньги для новой крестильни, поэтому ее долю в квартире надо продать.

Спорить с Зинаидой Марковной было невозможно. Ни дочь, ни зять, ни приехавшая ради такого случая младшая сестра тещи не смогли разубедить ее в этом решении. Если деньги ей не отдадут по-хорошему, заявила Зинаида Марковна, она дойдет до суда. Стиснув зубы, дочка с зятем предложили выплатить долю частями за несколько лет, но, оказалось, батюшка ждать больше месяца не мог.

Пришлось продавать «двушку» и покупать однокомнатную в том же районе – Серёжка был привязан к садику, да и Юрию до работы было близко. Из-за спешки с переездом влезли в долги. Симочка заканчивала заочно институт, еще не работала. И опять Юрий стал подрабатывать дворником, а по ночам писать дипломы студентам-заочникам.

Медовый месяц у Симочки и Юрия случился ровно через семь лет после свадьбы, когда сын-первоклассник успешно перешёл во второй класс, за что и был отправлен в пионерский лагерь на весь июнь. Юра тщательно подготовился

к отъезду сына. Студенты-заочники были отправлены в отставку. С начальником ЖЭУ был распит дружеский коньяк, за которым было договорено, что Юрку на некоторое время подменит друг Васька Селиванов. Осталась только основная работа в конструкторском бюро, которую он бросить не мог, и на которую он добирался с черными кругами под глазами от недосыпа и с глупой улыбкой на лице – по той же причине.

О, короткие летние ночи! Истосковавшееся тело Симочки было ласково и податливо. Юра был страстен и ненасытен... Так пролетели три недели, словно короткая июньская ночь.

Родительский день в лагере пришелся на второе воскресенье после начала смены. Приехавших папу с мамой Сережка едва узнал. Особенно изменилась Симочка. Она много смеялась, ласкалась с сыном, отчего тот смущался, прижимала его к себе, называла самыми нежными словами на свете. Гордый Юра стоял в сторонке, держа в руках пакет с гостинцем – печенье, яблоки и мешочек с карамельками. Такими счастливыми родители остались в памяти Серёжки на долгие годы.

Той же осенью домой вернулась Зинаида Марковна. Случилось это, как гром среди ясного неба. Симочка привыкла думать, что маме при монастыре живётся хорошо. Она несколько раз проводывала мать, видела её спокойное, умиротворенное лицо. Видела, какой заботой окружают её сест-

ры, и была совершенно спокойна за мать. Но оказалось, что батюшка проворовался и сбежал. Церковное хозяйство стали растаскивать те, кто понаглее, а стариков, живших при монастыре, выгоняли нищенствовать. Слухи об этом расползались по городу, кто-то из старых соседей видел Зинаиду Марковну на вокзале. Для всех родных это стало шоком. Постаревшую и похудевшую Зинаиду Марковну нашли в переходе метро и привезли домой...

Олег Николаевич в жизни Симочки появился неожиданно. Никогда раньше она не думала, что после замужества у неё будет ещё другой мужчина. Совсем другой.

Выйдя из декретного отпуска на работу, Симочка тихо и спокойно сидела в своём углу в бухгалтерии.

Олег Николаевич был начальником планового отдела. Заходя в бухгалтерию, он отпускал двусмысленные шутки, дарил женщинам пустячные подарки и мурлыкал под нос песенку «Если б я был султан». Заметив в углу Симочку в полосатой кофточке, Олег Николаевич произнёс:

– А пижамку-то придётся снять...

От чего половина бухгалтерии прыснула со смеху.

– Вы в своём уме, молодой человек? – строго спросила Симочка и покраснела.

– Как увидел вас – уже нет, – парировал начальник планового.

– Оно и видно, – сердилась Симочка.

После этого случая Олег Николаевич стал приходить в бухгалтерию ежедневно, из-за чего все дружно решили: запал на новенькую.

Ухаживал он стремительно: цветы, конфеты, милые безделушки по утрам. Забирал с остановки по дороге не работу, подвозил вечером до соседнего дома – к своему подъезду Симочка подвозить себя не разрешала.

У Олега Николаевича была семья. Он обожал дочь, когда рассказывал о её шалостях, в голосе звенели нотки гордости, словно говорил: вот какому чуду я помог родиться на свет. А если в разговоре приходилось упомянуть жену, на его лице застывала кислая гримаса, словно от зубной боли. В такие мгновения Симочке было особенно жалко Олега Николаевича: бедняжка, из-за дочери вынужден терпеть ужасную женщину!

Поцеловать себя Симочка позволила только через месяц. Она не выскочила привычно из машины у соседнего дома, а попросила проехать чуть дальше, до парка. Едва машина остановилась, Симочка притянула Олега Николаевича к себе и прошептала:

– Иди сюда...

Олег Николаевич целовал её шею, висок, руки искали на спине застёжку бюстгальтера.

– Что ты! Нет... Не надо, нет! – сопротивлялась Симочка. – Пусти! Потом!

И выскочила из машины.

Открылась её связь с Олегом Николаевичем совершенно случайно. Убирая на зиму летние вещи, Юрий проверял карманы брюк и курток, чтобы не оставить в них какую-нибудь мелочь или ключи. В Симочкиной оранжевой ветровке лежали сложенные вчетверо два билета в кино. Юрий развернул их. На одном билете шариковой ручкой было выведено «Сима + Олег» и нарисовано пробитое стрелой сердечко с такими завитушками, какие умела рисовать только его жена.

Юрий посмотрел на дату: получалось, чуть больше месяца назад Симочка с каким-то Олегом ходила в кино. Он хорошо помнил этот день: Симочка задерживалась на работе с отчетом, просила ужинать без неё и обязательно проверить уроки у Серёжки, а то в начале учебного года сын успел нахватать троек. Так, с учебником в руках, Юрий и уснул...

Разбудила его Симочка, был почти час ночи.

– Как добралась?

– Фирма такси заказала.

– Есть хочешь?

– Нет, давай спать.

В темноте Симочка не заметила вазу с купленным Юрием букетиком гвоздик – в этот день ровно десять лет назад они познакомились.

Придя в тот осенний день домой, Симочка уже с поро-

га заметила перемены в квартире: в прихожей вдруг стало как-то больше места, с вешалок исчезли вещи мужа, в шкафу больше не стояла его обувь. И ящики комода с бельем и рубашками были пусты. Симочка прошла в комнату. Вместо семейной фотографии со стены смотрела пустая рамка, а на столе под блюдцем с обручальным кольцом лежали билеты в кино.

Юра ушёл.

Первое время Симочка даже вздохнула свободно. Не надо было больше врать, оправдываться, придумывать отговорки для встреч с Олегом Николаевичем. Всё случилось помимо её воли и желания. Пусть так и будет, решила она.

Но Олега Николаевича изменившийся статус любовницы не обрадовал. Одно дело – встречаться с замужней женщиной, которая после свидания торопится домой, и совсем другое – с разведенной, которая спустя какое-то время не захочет ни с кем делить любимого мужчину. Под разными предлогами Олег Николаевич стал отказываться от встреч, переносить их и, в конце концов, просто стал избегать любовницы.

Через полгода Симочку вызвали в суд, где вручили решение о расторжении брака. Юрия в суде не было. Он вообще исчез из её жизни, как будто и не было прожитых вместе лет. Симочка не знала, где он и что с ним. Юрий молчал, молча-

ли его родственники, их общие знакомые и друзья, внезапно ставшие чужими. Только раз в месяц исправно по почте приходили алименты. Да бывшая свекровь на выходные забирала к себе Серёжку, где сын виделся с отцом.

Увидела она бывшего мужа лишь спустя пять лет, да и то совершенно случайно. Была ранняя весна – та самая пора, которую Симочка особенно любила, когда зелёная дымка только начинает окутывать ветки уставших от зимы деревьев. Она гуляла по парку, а затем, свернув на ближайшую тропинку, прошла на трамвайную остановку.

...От издательства трамвайчик бежал вниз под гору, мимо фонтана, мимо выстроившихся в ряд скамеечек возле него, мимо котлована, наполненного талой водой, затем выскакивал на мост, по которому проезжал с сильным грохотом, и карабкался, карабкался на подъёме, в конце которого останавливался возле любимого Симочкиного кафе «Тулинка». Сюда она приезжала иногда, чтобы посидеть с чашечкой кофе на открытой террасе, отвлечься от хлопотной домашней жизни со старой полубезумной матерью и сыном-подростком в тесной «однушке»...

На лужайке перед кафе был устроен детский праздник. Среди звона детворы стоял улыбающийся Юрий, а навстречу ему, раскинув маленькие ручки, в вязаной шапочке с розовым помпоном, бежала, смеясь, Новая жизнь.

Другая жизнь.

Без неё.

Симочка расплатилась за кофе и вышла с террасы.

Помдеж Меркурий

Дунька

– Костя! Товарищ младший сержант!

В тусклом свете ночника дежурный показывает мне на часы.

– Понял.

Я сажусь, ищу ногами тапочки.

– А Меркурий?

– Ждет.

– Что-то у тебя холодно, – говорю.

– Костя, – дежурный замялся.

– Что еще?

– Мне докладывать, так что если можно, быстрее.

– Быстрее, – говорю, – нельзя.

Я иду в умывальник, открываю кран, смотрюсь в зеркало: опухший, бледный, с мешками под глазами, довольно мерзкие рыжеватые усики. Еще тот защитничек. Может, сбрить? И тут же слышу, как скрипит дверь умывальника, и в зеркале появляется жалостливое лицо дежурного:

– Товарищ младший сержант, я первый раз дежурю, доложил, что вы ушли, а вы не ушли, придет Лысюк, а вы не ушли.

Значит, местным девушкам придется подождать.

– Из-за тебя я теряю привлекательность, – говорю дежурному. – Что нового?

Дежурный оживляется:

– В пять Дунька заходила.

– Так рано?

– Она сегодня на первом КПП...

– Понятно.

Дунька была местной дурочкой, плодом, как говорили, пьяной любви секретарши из штаба и заезжего майора ревизионного управления. Ей было лет двадцать пять, днями и ночами она бродила по городку, залезая то под одного, то под другого оголодавшего солдата.

Я иду в спальню, одеваюсь. Меркурий с бушлатами ждет меня на крыльце. Конец августа. Прохладно. Ночью шел дождь. Мы идем в столовую, завтракаем, Меркурий аккуратно прячет в карман два законных воскресных яйца и кричит повару:

– Женька, дай еще! Целый день жрать не будем.

– Своих, что ли, мало? Отвали, а...

* * *

На первом КПП ефрейтор Ерин поит Дуньку чифиром.

– Ты сдурел? Ей же нельзя, – говорю.

– Все ей можно, нормальная девка, придуривается боль-

ше.

Дунька зашевелилась:

– Вы куда, мальчики?

– На кудыкину гору.

– На артсклад мы, – поправляет Меркурий.

– Я с вами.

– Отставить! Ефрейтор, доложи в штаб, что мы ушли. Дай глотнуть. Тьфу, ладно, не надо.

Ерин нажимает на селектор и громко говорит:

– Наряд на свал... то есть, на дальний артсклад покинул пределы части.

– Пошли, – говорю я Меркурию.

За воротами, кутаясь в бушлаты, мы выходим на бетонную дорогу, по которой бредем вдоль леса мимо офицерского городка, а потом еще дальше, к городской свалке, прозванной когда-то ради приезжего начальства, дальним артскладом. Там мы и будем торчать целый день неизвестно для чего, предоставленные сами себе, связанные с гарнизоном только телефоном, который, как нам сообщил дежурный по городку, уже полтора месяца не работает.

* * *

Сыро, холодно. От мусора идет не то пар, не то дым. Местами чадит неубитый ночным дождем огонь. Из старых кроватей, досок, фанеры кто-то заботливо сколотил времянку,

в глубине которой притаился лежак, на стене молчит телефон.

Мокрое небо спрятало боязливое солнце, отчего над лесом небо чуть светлеет. После обеда солнце переползет на другую сторону дороги, где к вечеру зацепится за край леса, а потом спрячется за него, так ни разу не показавшись из-за пелены. Тогда мы пойдем обратно. А пока привыкаем к новой для себя обстановке – вне роты.

– Еще две-три таких недели, и домой, – говорю я.

– Что делать будем? – спрашивает Меркурий.

– Спать.

– Эх, пожрать бы.

– Ты можешь говорить о чем-нибудь, кроме еды?

– Конечно. Помню, батя рассказывал, у них мужик в селе на две недели к брату уехал, когда от того пришла депеша: «Приезжай срочно, маме плохо». А брат был министр какой-то республики. Проходит две недели – мужика нет. А лето, работы невпроворот. Шлют телеграмму, дескать, уборная, страда, надо хлеб убирать. В ответ приходит пакет весь в гербовых печатях: сообщаем, мол, что товарищ такой-то находится на сложном амбулаторном лечении, заболел. А сами еще две недели самогон квасили, ну и жрачка местная, разумеется. Все обильно.

Я залезаю в шалаш, сворачиваю под голову бушлат, задумываюсь. Господи! Неужели мне меньше месяца осталось служить, неужели я поеду домой, и, когда выйду на родном

перроне, блесну значками, тогда все таксисты моими будут, потому что они знают – приехал дембель, а дембель денег не пожалеет, только вези, шеф, вези!

Все, Меркурий, отрубил я свое, понимаешь, отрубил, а тебе ещё служить как до Китая пешком и даже обратно можно вернуться, а служба всё равно не кончится. Но не унывай, «дед» служил не тужил, и ты служи, а только неправда, что не тужил, ох, как тужил, и днём, и особенно ночью, когда глаза закроешь – дом стоит, а откроешь – кругом казарма, и так тяжело становится, хоть плачь, да и плакал, Меркурий, было...

И «старики» были такие, не то что мы, постель за него заправь, в наряд за него сходи, пол помой, а что не так, поднимут с кровати ночью, нет, бить не будут – зачем? Учить присягу, отжимаясь, заставят:

– Я...

Отжался.

– ...гражданин...

Отжался.

– ...Союза...

Отжался.

А кому пожалуешься? Офицеру? Так он тут же, рядышком, стоит, смеется, сигаретку в руках разминает и легонечко так подцепит в бок носочком начищенных сапог – отжимайся, дескать, лучше, задницу не отклячивай, и «старику» пачку протягивает:

– Закуривай.

* * *

– Смирно! Товарищ майор, за время моего дежурства...

– Спите, мать вашу! Где второй?

Оказывается, я заснул. Поднимаюсь и вижу дежурного коменданта майора Лысюка.

– Здесь я.

– А, дембель, мать вашу! Ремень на яйцах, сапоги в гармошку!

– Ну, понесло козла в огород капусту сторожить, завелся! – донеслось из «газика».

Я опешил. Из-за спины майора выскочил полуголый, в одних трусах и накинутой плащ-палатке прапорщик Шлык.

– Ваша мать пришла, матерков принесла! Мужики, не в службу! Понимаете, жена, дура, одежду выкинула. Духами от меня пахнет! Я ей объясняю, водки не было, пили «Шахрезаду», духи. Не верит, говорит, блядую. Ну какой из меня блядун?

Про Шлыка в части ходила масса анекдотов. Однажды Шлык бросил пить. Командование части подумывало о повышении звания. Шлыку дали квартиру, жизнь начала налаживаться. Как-то прапорщик спустился вынести мусор, на крыльце встретилась жена командира части.

– С новосельем вас, прапорщик. Лиза дома?

– Так точно!

– Кстати, муж говорил о вашем повышении. Я рада за вас.

Вы совсем другой человек, когда не пьете.

– Спасибо.

Шлык расцвел. Старший прапорщик это не только прибавка к жалованию – это новая должность, перспективы. Он вернулся домой. Зашел в ванную, сполоснул ведро. За шторкой журчала вода. Жена, видимо, решила принять душ, ласково подумал прапорщик.

Шлык протянул руку за шторку, нащупал мокрое женское тело:

– Ух, вы кудряшечки мои родименькие, сегодня ночью побалуемся.

И вышел.

– Леш, ты пришел? Хочешь есть, я пожарила кильки, сладкоежка мой.

Шлык замер. Жена кричала из кухни:

– Ты в ванную не заходи, там Тамара Николаевна моется.

– Кто!?

– Жена командира части. У них что-то с водой.

Шлык заколотил в дверь:

– Тамара Николаевна, простите, я же не думал...

– Все нормально, – ответила командирская жена.

От расстройства Шлык ушел в запой. Звания, конечно, не получил, а про то, что на два месяца завязывал, говорил философски: организму иногда надо устраивать встряску –

не пить.

* * *

– Сегодня мусор привозили? – спрашивает Шлык.

– Да, вон там куча.

– Ради бога, поищите вещи, мужики, там документы, а главное, талоны на водку.

– Хорошо.

– Я через час позвоню, узнаю.

– Телефон у нас не работает.

– Тогда заеду.

«Газик» фыркает и увозит дежурного майора с полуголым прапорщиком в сторону офицерского городка. Я возвращаюсь во времянку.

– Меркурий, поковырайся, может, талоны найдешь.

* * *

– О-о! Кто к нам пришел!

Я выскакиваю наружу. С дороги к нам спускается Дунька.

– Костя, у нас гости.

– Тебе чего?

– Я обиделась.

Я пожимаю плечами. Меркурий ведет Дуньку вдоль куч, по-хозяйски размахивая руками. Минут через десять загля-

дывает в шалаш.

– Костя, пусти на лежак...

– На хрена?

– Я Дуньку раскрутил...

– Она же больная, чокнутая!

– Она – баба!

– Здесь помойка, Меркурий, побойся!

– Сержант, не надо, ты через месяц баб наковыряешь больше, чем изюма в булочке. А мне еще полтора года Маньку Рукавишникову по ночам под одеялом гонять.

– Разговорчики, рядовой Меркуриев, смирно!

– Ну, Костян, бога ради, будь человеком! Там же баба готовая. Я до армии только раз палку спьяну кинул, так ничего и не понял, почти мальчик. Стерву одну любил, десять лет с ней за ручку ходил, ни разу не целовал. Письма писал...

Одно письмо Меркурия я читал.

«Я помню все: середину проспекта в ночь перед отъездом на базу отдыха (вместе!), когда я сжимал твою руку. Помню лес, поляну, усыпанную одуванчиками. Мы гуляли вдвоем, и так хотелось тебя поцеловать. Моя ладонь еще помнит твою руку. Если долго держать, ладони потеют, но я боялся тебя отпустить. Помню терзания по телефону, напрасные свидания (придет не придет?) Я много что помню.

В моей жизни, так или иначе, все сильные чувства связаны с тобой – любовь, ревность, радость, огорчения, злость. Всех девушек мне хочется называть твоим именем.

Я боюсь приглашать тебя в гости. Мне трудно будет возвращаться в свой дом, – из которого ты ушла. По той же причине я не храню у себя твои фотографии. Это какая-то глухая стена – твоя нелюбовь».

– Смирно, я говорю!

Меркурий прищуривает глаза.

– Есть такой тип людей, им говоришь, шеф, за пятерку до Маяковки довезешь? А они – че? за пятерку? Не, ну ты, парень, даешь. А потом – ладно, поехали.

«Господи, что происходит», думаю я.

Меркурий хватает обрезок трубы:

– Отойди, сержант.

Ты ли это, Меркурий? Тот самый Меркурий, который за дембелей чистит сапоги, застилает кровати, безропотно убирает туалеты, получает тычки, спокойно сносит все оскорбления и унижения – что с тобой случилось? Неужели всё дело в этой неумной представительнице женского пола или что-то другое?

Я отступаю на шаг и расстегиваю ремень: бляха свинцовая, если в лоб прилетит, быка свалит.

– Ну, будь человеком, мужик ты или кто? – Меркурий почти плачет.

Я молчу. Молодой парень хочет удовлетворить естественную потребность, что тут особенного? Совершить, так сказать, ряд поступательно-возвратных движений с представительницей противоположного пола, причем представитель-

ница не против, чтобы с ней это совершили. Все нормально. Я представляю, как Меркурий торопится: «Ну, раздевайся, давай, моя хорошая, ляг пониже... вот так...», – скрипит лежак...

И говорю:

– Сифак, дурак, подцепишь.

– Мне же лучше: в госпиталь отвезут. Ну, Костян, ну человечине...

Я плюю и поднимаюсь на дорогу. Пусть делает что хочет. В конце концов, мне через две недели домой.

* * *

– Ну что, полегчало с палки чая?

Дунька, распустив волосы, в накинута на голое тело бушлате сидит на кровати. В глазах появилась мысль, сквозь расстегнутые полы бушлата виднеется грудь. Сейчас ее можно назвать даже красивой. Меркурий домовито шурует палкой в костре.

– Да у вас прямо семья.

– Костя, не смейся. Клянусь, со мной такого еще не было. Я три раза кончил, пока она разошлась. Не баба – паровоз. Картошку будешь?

– Откуда?

– Старики через дорогу копали, я помог.

Меркурий выкатывает из огня запеченный клубень.

– Костя!

– Что?

– А ей можно замуж?

– Что!?

– Жалко ее.

– Ты бы лучше шмотки прапора нашел.

– Сейчас найду. Два солдата из стройбата заменяют экскаватор.

– Без меня.

* * *

С дороги сигналит машина. Приехал Шлык на «газике».

– Ну что, нашли?

– Нет пока.

– Помоги, сержант, вещи одной дамочке перевезти. Потом выпьем. Привыкай к гражданской жизни.

– Не хочу.

– Я приказываю!

– Водку пить?

Прапорщик понимает, что дал маху.

– Соглашайся, сержант. Там хозяйка незамужняя, после института к нам приехала, что-то насчёт головы. Ты, надеюсь, не евнух?

– Ладно. Поехали.

Как положено, хозяйка сбегала за водкой. В общем, перевезли, сели на кухне на узлы, разлили. Нас четверо. Хозяйку зовут Надя, ее подруга Татьяна режет на газете колбасу. Шлык говорит:

– Для нормальной работы организму нужны жиры, спирты, углеводы. А колбаса и водка дают всё необходимое нашему организму. Может, в карты сыграем? В «Тысячу»?

Мы выпиваем, в голове плывёт.

Шлык сдаёт карты:

– Берите, я на прикупе. Эта баба такая здоровая, мужа всё время колотит.

– Какая баба? – спрашивает Надя.

– Соседка. Да что мужа – она бегемота сама скрутит! Возьмет за рога и скрутит.

Первым заказывает прапорщик:

– Сто двадцать.

– Тогда я пас, – говорит Таня.

– И я, – вторит Надя.

– А я бы на вашем месте играл, – говорю я, глядя в прикуп. – У бегемота нет рогов.

– С чем играть-то? – Надя показывает мне карты. – У нас в общежитии такие вещи творились, что я никогда бы не поверила.. Если сама бы в них не участвовала.

– Сто двадцать я набираю в легкую, – Шлык бросает кар-

ты на стол. – Такая стервозная баба, клянусь, с ней даже тараканы не живут. Туз и «хвалёнка» черви.

– Ну что, играем? – спрашивает Таня.

– Времени уже много, – говорит Надя.

– Я бы играл, – говорю я.

– Вы мне хоть объясняйте, о чем речь, – просит Таня. –

А вчера мы так хорошо посидели. Были помидоры.

– Хорошо, играем, – говорит прапорщик и бросает туза, – скиньте по штучке, теперь – она!

И бросает червовую даму. Черви стали козырями.

– Ну, что я говорил?

– Я вашу даму беру, – говорит Надя и скидывает на стол крестовую даму, – тоже – она!

Теперь крести стали козырными.

– Ч-черт! – ругается Шлык.

Считаем очки. У прапорщика сто десять.

– То-то я смотрю, – объясняет он, – туз и «хвалёнка» есть, но этого мало, а десятки-то нет.

Разливаем еще по одной. Наступает отупение. Таня пододвигается ближе к прапорщику, Надя доверчиво мне рассказывает:

– Мы такие приезжаем, и все: «Ах!»

Речь, оказывается, идет о психологическом форуме. Сплошные сплетни, интриги.

Мне становится скучно.

– Между прочим, первое впечатление обо мне обманчи-

во, – неожиданно добавляет Надя. – Какая-то душная квартира!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.